

ЛУИДЖИ ЗОЙЯ

СОЗИДАНИЕ
ДУШИ

Библиотека глубинной психологии

Луиджи Зойя

Созидание души

«Когито-Центр»

1999

УДК 159.9
ББК 88

Зойя Л.

Созидание души / Л. Зойя — «Когито-Центр»,
1999 — (Библиотека глубинной психологии)

Этот текст – не монографическое исследование, в котором идея излагается, развивается и завершается выводами. Он скорее подобен одиссее – теме, весьма дорогой автору, – которая уводит в места, доселе неведомые нашему разуму, показывает нам уголки жизни, обычно избегаемые нами по причине присущей нам лени, смешанной с боязливостью, оставляет нас на пустынном берегу, где внезапно появляются чудища, – теме, которая бросает вызов нашим интеллектуальным или романтическим дерзаниям. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 159.9

ББК 88

© Зойя Л., 1999
© Когито-Центр, 1999

Содержание

Предисловие	6
1. Психика и общество	9
1.1. Аналитическая психология и знание другого человека	9
1.2. Деструктивность: след личности в истории	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Луиджи Зойя

Созидание души

© Moretti & Vitali Editor, novembre 1999

© Институт практической психологии и психоанализа, 2004

© ПЕРСЕ, оформление, 2004

Этот текст – не монографическое исследование, в котором идея излагается, развивается и завершается выводами. Он скорее подобен одиссее – теме, весьма дорогой автору, – которая уводит в места, доселе неведомые нашему разуму, показывает нам уголки жизни, обычно избегаемые нами по причине присущей нам лени, смешанной с боязливостью, оставляет нас на пустынном берегу, где внезапно появляются чудища, – теме, которая бросает вызов нашим интеллектуальным или романтическим дерзаниям.

Путь этой книги пролегает как через классический мир древности, так и через нынешнюю жизнь европейского общества. Хотя современный взгляд на вещи, по своему обыкновению, и присваивает себе право на «правильное» истолкование древности, существует и противоположная точка зрения, заключающаяся в том, что «современную» человеческую душу можно описывать с античной точки зрения. Побудительной причиной человеческих действий является не страсть к знанию и познанию – ею был наделен Эдип, – но потребность жить напряженной психической жизнью. Такие темы, как созидание и рост, трагедия и анализ, душа и общество – все они коренятся в символической жизни человека и появляются в ней разными путями и многими способами. Вместе с изменением темы меняется и стиль письма: порой, работа напоминает труд ремесленника (терпеливо разъясняется этимология, кропотливо воссоздаются исторические факты), в других случаях, напротив, какое-то слово врзается в сознание как нож гильотины, пресекая инерцию мысли, нарушая привычный ход размышлений («трагедия смеется над нашим смятением»), а иногда, это же слово появляется уже в эпическом повествовании, окутывает нас чувственными образами и ведет в область парадокса, хотя мы и не отдаем себе в этом отчета. Как и во всех настоящих одиссеях, предел – это не то место, куда прибывают в конце, а непрерывное видоизменение в ходе странствия. Текст включает в себя произведения (статьи, доклады на съездах), созданные автором за десять лет. Из их совокупного чтения возникает единое психическое усилие: стремление возделывать душу.

Адольфу Гуггенблюлю-Крейгу посвящается

Предисловие

Однажды психоаналитики различных школ и направлений решили сделать вид, что незнакомы друг с другом как специалисты. При этом они сделали нечто еще более сложное и огорчительное. Поскольку они всегда кружили вокруг мифа, как собаки вокруг кости, то решили использовать миф и для того, чтобы разделиться.

Психоаналитики знали, что точное наименование их специальности – «глубинная психология». И они были хорошо знакомы с мифом о Вавилонской башне, который кончается тем, что каждый должен пойти по собственному пути, потому что больше нет возможности понимать друг друга.

Итак, психоаналитики решили вновь воплотить этот миф в перевернутом виде: вообразите башню, сооружаемую вниз, в землю. Психологическая реальность развивается не вверх, а вглубь. Двигаясь в поисках психологической истины все глубже, они усложняли конструкцию перевернутой башни до тех пор, пока в какой-то момент продолжать строительство стало невозможно. Каждый начал говорить на своем языке. Образовывать собственную семью. Отрицать, что язык остальных может служить средством выражения *истины* (странным образом эта ложь, эта клевета выглядела правдивой: и действительно, коль скоро речь идет о других языках, истина именуется не «истиной», а иным словом). В общем, психоаналитики осознали то, что изменялось, но они разошлись в разные стороны и утратили осознание того, что оставалось стабильным и неизменным.

Бог – или новый бог, или новый участок их мозга, который соответствовал прежней концепции божественности, – смешал их языки, если не сами их идеи. И психоаналитики перестали общаться друг с другом.

Сразу же уточню, дабы не вводить читателя в заблуждение. Эта книга родилась из факта происшедшего раскола. Даже если это книга по юнгианской психологии, разрыв, о котором идет речь, произошел не между Фрейдом и Юнгом. Речь идет о нечто ином. Это различие психологических тенденций, которое обнаруживается часто у разных авторов (и даже у одних и тех же авторов, но в разные периоды их творчества) при сравнительном анализе. В том числе и в работах Фрейда и Юнга.

В сущности, мы имеем дело с противопоставлением устойчивого и всеобщего, с одной стороны, и изменяемого и частного – с другой.

Переход от одного из этих противоположных принципов к другому не разделяет, а объединяет лидеров двух школ. Интерес Фрейда с годами смещается от чисто клинического материала к отдельным видам патологии и отдельным пациентам, а далее – к мифологическим, библейским темам, к происхождению и смыслу культуры. Юнг, после краткого периода клинических наблюдений и экспериментов, обращается к изучению архетипов: к религии, антропологии, алхимии, мифам и сказкам; к темам, общим для различных народов, независимо от эпохи и места. Таким образом, оба мастера со временем переключают свое внимание с патологии (нечто отличное от должного хода вещей) на модели нормы, говорящие именно о том, как должно быть.

В Цюрихе все еще рассказывают вполголоса – кто со смущением, кто с упреком – следующий эпизод. Один американец приехал в Швейцарию, чтобы познакомиться с мастером, и через некоторое время попросил заняться с ним анализом. После нескольких сессий Юнг посмотрел на него и сказал: «Сожалею, но Вы рассказываете мне в основном о своих родителях, и Ваши сны говорят о том же. Я понимаю, что Вам это нужно, и испытываю к Вам симпатию. Но я не могу быть Вашим аналитиком: меня интересуют архетипы»¹.

В XX веке в целом – и особенно во второй его половине, после смерти обоих учителей, – ориентация основных психоаналитических школ сместилась в обратном направлении.

Как среди последователей Фрейда, так и, пусть в меньшей степени, среди последователей Юнга все больше внимания стало уделяться возрастному развитию: то есть именно человеку, который изменяется, в противовес тому, что остается в нем неизменным. Более того, они сосредоточились на первых стадиях жизни; и поскольку общество на этом этапе мало связано с ребенком, то интерес вызывало его развитие как отдельной личности, а не как субъекта культуры и истории.

Однако из сказанного никак нельзя сделать вывод, что интерес категорически и исключительно замкнулся на решении вопросов, связанных с психологией развития.

Можно указать только, что сегодняшнее психотерапевтическое внимание к развитию отдельной личности превалирует в общественном сознании, поскольку новые обстоятельства юридического, профессионального (чтобы не сказать корпоративного) и рыночного характера подталкивают к движению в этом направлении. И действительно, во всем мире психотерапевтический рынок близок к скорому насыщению и, следовательно, действует по законам конкуренции, столь же острой сегодня, как неведомой ранее. Этот факт в соединении с другими историческими обстоятельствами – к примеру, быстрое рождение европейского законодательства – подчинил аналитические школы нормам и вовлек их в процессы институционализации, доселе не существовавшие. Возвращаясь к нашей теме отметим, что это движение сместило фокус обсуждений и споров от всеобщего на частное, от стабильного на изменяемое: *с вопроса* о том, что может сказать психоанализ, или аналитическая психология, о человеке и мире *на вопрос* о том, что может сказать данный конкретный аналитик о конкретном пациенте (или еще лучше: сколько времени и денег потребуется на выздоровление). Потому что именно эти вопросы интересуют министерских чиновников и представителей практической психологии.

Если все же аналитик обладает достаточно сильным голосом, чтобы заставить выслушать себя в качестве профессионала, мыслящего о человеке в целом, а не только как специалиста отдельной терапевтической школы, он может собрать неожиданно большое число слушателей. Это случай, например, Джеймса Хиллмана², который подверг пересмотру взгляды психологов на условия человеческого существования.

По сути своей то, о чем мы говорим, представляет собой частный случай инволюции культурных и политических дебатов в мире. После заката великих идеологий большие темы уже совсем не обсуждаются, не отмечаются более существенные различия между левыми и правыми; кажется, что умы затрагивает только частное и изменяемое, то, что имеет индивидуальное значение. Однако достаточно воспроизвести в новом ключе одну из универсальных и вечных тем (Шекспир в кино, например), и оказываешься перед лицом неожиданного успеха (но почему неожиданного?).

В общем, эта книга родилась так. Однажды я получил от одного из коллег запрос, показавшийся мне не вполне определенным. Мой коллега – грек-киприот, который жил в Южной Африке, затем преподавал юнгианскую психологию в Восточной Европе, был редактором газеты по вопросам юнгианского анализа в мире и живет сейчас в Лондоне. Он просил изложить мою биографию и мои жизненные интересы в виде, пригодном для публикации. Я подумал, что обычно подобные вещи практикуются в случае смерти и поэтому, из суеверия, их оставляют на других. Но я также подумал, что, вероятно, будет несправедливым побуждать других к изложению моей жизни, не сделав это самостоятельно. С некоторым сопротивлением я начал консультироваться у своей памяти и у своих записей.

Я обнаружил, что после получения диплома аналитика я надолго посвятил себя клиническим случаям и частным проблемам: я даже вернулся на несколько лет в Цюрих, где получал диплом; и сделал это именно потому, что мне предложили возможность поработать в клинике.

Однако выяснилось, что за последние десять лет – которые, случайно или нет, были последними годами века – растущее число моих заметок и докладов, написанных вроде бы по совершенно различным поводам, выражало общую потребность отыскать вещи, которые

мало изменяются с течением тысячелетий: понять, не являются ли некоторые события, которые кажутся нам современными и новыми (приведем в качестве примера пагубное очарование телевизионными ток-шоу или сумасшествие вокруг принцессы Дианы), повторяющимися признаками мифа в его постоянстве.

Я попытался обрадоваться тому, что, вступая на эту дорогу (которая ведет к более значительному и более стабильному), я без особых усилий приближаюсь к великим основателям психоанализа. В действительности я не намеревался идти по этому пути и не осознавал, что иду по нему. Возможно, продвижение по нему происходит просто с течением лет, когда постепенно мы начинаем интересоваться бессмертием. А величие и постоянство мы ищем в наших детях или в отблеске бессмертия.

Миф – одно из немногих доказательств бессмертия, предстающих перед нашими глазами. Мы пользуемся им, чтобы напомнить о связи, существующей между основными мифологическими сюжетами и психологической литературой. Не Софокл описал Эдипов комплекс. Не потому лишь, что «комплекс» Эдипа – это только одно из возможных объяснений его мести, связанное с понятием, которого во времена Софокла еще не существовало: но и потому, что нельзя описать всеобщее через частное. Так что если на этих страницах сказано больше о Фрейте и Юнге, не стоит думать, что намерение поговорить о вневременных и универсальных вопросах настолько вскружило нам голову, что мы решили приспособить Гомера к нуждам этой книги. Напротив, сама книга – возможно, как и большая часть психологической литературы – оказывается скромным современным рупором, через который все еще говорит Гомер и его мифы. Связь между двумя мирами существует: но вряд ли глубинная психология может каким-то образом дополнить Гомера, который был глубже всякой психологии.

1. Психика и общество

1.1. Аналитическая психология и знание другого человека³

Выражение «плохие учителя» часто употребляется в итальянском языке. В основном им называют тех интеллектуалов, которые после провозглашения революционных лозунгов оказались морально причастны к кровавому террору, развязанному «красными бригадами». Абстрактные разговоры превратились в конкретные судьбы. Слово стало плотью. Они могли только защищаться, обвиняя сами себя: вы не должны были понимать меня столь буквально, я этого вовсе не имел в виду.

Я хочу подчеркнуть, что в Италии плохие учителя часто были и великими мастерами величайшего, или по крайней мере известнейшего, искусства нашего века: кино.

«Рим – открытый город» Росселлини – фильм-манифест неореализма – описывает среднего итальянца как бесконечно сострадательного и благородного: с потрясающей нескритичностью мы принимаем этот комплимент и запоминаем его. Де Сика оправдывает «*Похитителей велосипедов*»: вместе с ним мы все оправдываем себя, и кража становится национальным архетипом. Феллини показывает с прощением и симпатией нашу сексуальную распущенность и наше равнодушие: мы находим его деликатным и возвышенным, мы начинаем гордо демонстрировать наше вольнодумство и безалаберность. Мы уверены, что это вызывает к нам симпатию европейцев и североамериканцев, и нам мало дела, что часто эта симпатия сопровождается презрением. Может быть, мы не умеем выбирать друзей, но мы знаем, из какой дружбы можно извлечь выгоду.

Крайняя точка в этом упрощении – проглоченном массажи, хотя масс-медиа были еще в пеленках, и превозносимом так, будто речь шла не о китче, а о возрождении кинематографа, – достигается в примечательном фильме «*Итальянцы – молодцы*» (Де Сантис, 1964). Средний итальянец хорош (более того: он отличный парень, потому что хорошего можно принять за дурака, а мы имеем право быть немного хитрецами, немного обманщиками, неизменно оставаясь при этом молодцами). Итальянский характер весь на свету, в нем нет затененных участков. У итальянца нет настоящих врагов: когда он имел дело одновременно с союзными войсками и их врагами, он делал это не по двуличию и не из коммерческой выгоды, а из врожденной неспособности испытывать враждебные чувства.

Так что итальянцы – и может быть, еще какие-нибудь счастливые народы – не имеют коллективной Тени.

Под Тенью аналитическая психология подразумевает часть бессознательной психики, отвергаемую Эго, потому что она состоит из качеств, морально неприемлемых или просто слишком отличных от Эго. Это второе допущение, более широкое, определяет гипотетический характер аналитической психологии. Последняя рассматривает невроз не как болезнь, а как «предложение», «послание» о возможности роста, отсутствующего в данный момент; и точно так же она не воспринимает Тень только как низшую часть, аморальную и неприемлемую для личности. Эту точку зрения Юнг оставляет за Фрейдом. Согласно Юнгу, вся психология его учителя представляет собой самое подробное исследование Тени, которое когда-либо было предпринято⁴. Фрейд действительно, занимался существом, скрытым под оболочкой цивилизованного человека, которым все еще управляют инстинкты и которое заключает в себе возврат к архаическому, а не попытку создать что-то новое; и такое «существо», в подобном контексте, неизбежно противостоит культуре. Тень в юнгианском, более широком смысле – это непознан-

ная часть, которая скрывает в себе завершенность и полноту: то, что я должен знать о себе, чтобы действительно знать себя, то, что я должен знать о мире, чтобы познать реальный мир.

Из всего этого вытекает очень простое следствие.

Тот, кто не имеет тени, лишен фундаментального инструмента познания как в индивидуальном, так и в коллективном плане. Если я думаю, что у меня нет тени (низшей, животной и хищной части – или же просто отличной от того, как я вижу себя обычно), отличная от меня часть и мой эгоизм (архетипы, которые неизменно принадлежат к психическому) от этого не перестают существовать. Перестают существовать только внутренние качества, которые воспринимаются извне, в других: иначе говоря, проецируются.

Психическое и его архетипы функционируют не слитно – в таком случае они уже были бы полны и не «функционировали» бы, оставаясь статичными, – а в парах дополняющих друг друга составляющих. *Puer* существует только в противопоставлении с *Senex*, ребенок со стариком. Не существует ребенок сам по себе: существует единый архетип с двумя полюсами – ребенка и старца. Мужское и женское определяются не сами по себе, а как отличие от другого пола, и так далее. Один из двух полюсов соответствует Эго, другой является внутренним и бессознательным. Если я мужчина, то в моем бессознательном скрыта женщина, я проецирую вовне эту внутреннюю фигуру и умираю от желания соединиться с ней. Если я старик, я страдаю ностальгией по молодости.

Чтобы обнаружить это, нет необходимости всякий раз спрашивать у Юнга. Уже Платон в «Симпозиуме» символически поведал нам об этих ограничениях: вначале люди соединяли в себе оба пола. Зевс разбил их на два отдельных существа – мужчину и женщину, которые, по сути, только две половины одного целого. С этого момента, страдая от неодолимой тоски, они вечно ищут друг друга. В поисках другого мы пытаемся восстановить собственную первоначальную целостность.

Так называемые перенос и контрперенос в аналитической работе тоже не более чем метафоры, выражающие мощную потребность излечить раскол архетипической пары больной – целитель и восстановить целостность. Терапевт, который в силу своей профессии стоит на одном полюсе, пытается приблизиться к пациенту, поскольку хочет стать целостным и обрести свою Тень, больного внутри себя. Пациент, которого болезнь вынудила встать на другой полюс, хочет соединиться с аналитиком, чтобы символически обрести своего внутреннего целителя, единственного, кто может вернуть ему устойчивое равновесие. До тех пор пока другой внутри себя остается бессознательным, он проецируется и узнается только в других. Но эта проекция – уже начало знания и путь к обретению целостности.

Эти факты хорошо объяснил Адольф Гуггенбуль-Крейг⁵, который также дополнил их парадоксальным утверждением. Аналитики, которые уступают искушению манипулировать пациентом с целью обрести над ним власть или соблазнить его, с неизбежностью «застревают»: они пренебрегли важностью символов раньше даже, чем профессиональной этикой, цель анализа – обретение двух расколотых полюсов архетипа целитель – больной, а не двоих олицетворяющих их людей.

Однако и другие аналитики, которые никогда не увлекаются подобными манипуляциями (в которые их пытается вовлечь пациент) и сохраняют дистанцию, те, в чьей работе отсутствует эротическое напряжение, по-своему ущербны. Они не только статичны, и в силу этого с трудом меняют что-то в пациенте: они распространяют культ самодостаточности и равнодушие к отличиям, несовместимые с нашим идеалом психического как органа, пребывающего в постоянном движении, всегда заинтересованного, составляющей, которая постоянно стремится к целостности. Они «отличные психотерапевты» – обескураживающая профессиональная разновидность «отличных парней».

Если мы остановим первых, которые хотят доминировать над пациентом, то такие аналитики – как мы надеемся – признают свою ошибку, в которой таится созидательное указание

на необходимость осознать иное и ассимилировать его. И тогда, заплатив за ошибку, они получают возможность приобрести билет для более полноценной жизни.

Вторых, самодостаточных аналитиков, критиковать не за что, потому что тот, кто не движется, не ошибается и в выборе пути: но они не совершат и самого путешествия. В перспективе они могут оказаться опаснее первых, поскольку необходимость конфронтации с «другой половиной» может возникнуть неожиданно и застать их врасплох.

О коллективной психике можно думать в схожих понятиях.

Идеалом было бы жить в обществе, терпимом к различиям, сознательном и ответственном за свое существование как внутри себя, так и в отношении соседних народов. Поскольку такие условия немногим более чем пожелание, в реальности мы находим множество стран, в которых есть национальные, сексуальные и другие меньшинства, маргинальные группы, иностранцы, которыми большинство старается манипулировать и которых стремится подавить; есть и некоторые страны, в достаточной мере однородные и влиятельные, чтобы позволить себе такую жизнь, которая с точки зрения психологии несет в себе черты аутизма, состоящие в незнании и намеренном игнорировании существования другого.

Среди них Италия в первом ряду. Еврейская диаспора в ней мала и поглощена христианством, иммигрантов с других континентов традиционно мало по причине отсутствия колоний; Италия незнакома с другими на своей территории. В отличие от языков других европейских стран – английского, французского, немецкого, испанского и даже португальского, – на итальянском говорят только в Италии. Однако территория страны и италоговорящее население достаточно велики, чтобы не возникало особой потребности изучать другие языки и знать другие народы. В отличие, например, от голландцев или скандинавов, в странах которых развито мореходство и которые в силу этого хорошо знакомы со многими другими народами; из-за малого распространения своих языков они с детства учатся пользоваться другими языками.

Внешне за последние несколько веков страна под названием Италия не встречалась лицом к лицу с сообществами других ни вовне, ни внутри. Отсутствие такой практики породило сентенцию, что итальянцы – не расисты, исключение в Европе, которая изобрела расизм; в стране образуется порочный круг с утверждением о «молодцах». Посредством устраивающей всех фальсификации то, что было лишь нехваткой, оказалось достоинством.

Поэтому стало настоящей национальной трагедией, когда буквально за несколько лет миграция из развивающихся стран и Восточной Европы явила на свет в Италии архаичного человека, который, как и у других народов, не доверяет чужим, но, в отличие от остальных народов, не желает встречи с ними. Полиция била иностранцев, потому что они – иностранцы; граждане выходили на улицы, протестуя против перспективы принятия беженцев, число которых составляет десятую, пятидесятую, если не сотую часть от того количества, которое приютили другие европейские страны. И в первую очередь те, кого мы считали расистскими, такие, как Германия; страны, от которых мы отстранялись, чтобы продолжать себя извинять.

С прибытием страждущих «отличные ребята» закрыли двери. Они оказались способными на заурядную подлость, то есть самыми обычными: но без привычки бороться с тенью – с иным, со злом, – потому что они не пережили историю ни этого столкновения, ни его искупления, которое может происходить, скажем, через Нюрнбергский процесс или Комиссию по национальному южноафриканскому примирению. По сути, между концентрационными лагерями нацистов и сомалийцем, заживо сожженным на улице Рима, есть огромная количественная разница – потому что первое преступление использует промышленный аппарат, – но отнюдь не качественная. Преступление против человечества и, с нашей точки зрения, против психического по сути одно и то же: потому что естественный интерес к различиям пробуждает не стремление познать другого, а попытку его разрушить. И отказываясь от встречи вовне, мы также запрещаем себе знакомство с другим в самих себе.

Как и внутренний мир, наш географический мир состоит из соединений и разломов, из союзов и разрывов. Сегодня рубцуется та рана, названная Черчиллем «железным занавесом» в 1946 году, которая разделила Европу «от Щецина до Триеста». Мы думали, что она навсегда останется эмблемой разделения мира и невозможности примирения с другим. Мы все еще остаемся наивными: несколько десятилетий идеологического соперничества не таят никаких глубин, это пена на поверхности океана истории.

Линия разлома мира в действительности не исчезла, только теперь она разделяет не Восток и Запад, а Север и Юг. И это означает, что намеченный разлом помечен вдвойне. Потому ли, что, независимо от того, откуда смотришь, он отделяет верхнее от нижнего с намного большей символической нагрузкой. Но в особенности потому, что он включает тысячелетний опыт, идущий из глубины истории. Его ось проходит не только между Севером и Югом, но и между Европой (имя это принадлежало девушке, которую полюбил и унес с собой правитель богов) и Африкой (которая для древних европейцев была только территорией Карфагена). Однако для римлян жители Карфагена были «другими» – значение, которое перешло затем на весь африканский континент. Разлом проходит между белым и черным человеком (его тенью); между индоевропейцами и семитами. Тот, кто думает, что антисемитизм – систематическое отвержение других по этническому признаку – порожден нашим веком, должен обратиться к книгам по истории и прочесть, как тщательно римляне уничтожали и Иерусалим, и Карфаген.

Эта трещина глубоко рассекает и коллективное бессознательное, в том числе на итальянском полуострове. В пограничных областях также не получилось слияния. На западной оконечности Сицилии встречаются остатки греческих и финикийских городов, которые почти накладываются друг на друга. Но в такой близости сразу же обнаруживается большая разница между оставленными ими изображениями. Скульптуры индоевропейцев (греков) представляют собой человеческие фигуры, скульптуры семитов (финикийцев и карфагенян) их избегают. Прошли тысячелетия, но это основное отличие и сегодня отделяет священные образы христиан от образов мусульман и иудеев.

Так называемое бессознательное погружено в глубины истории, и вместе с ним в эти глубины погружены жестокие различия. Тот, кто их отрицает, стоит не на стороне добра, а буквально на стороне эгоизма, потому что отрицает существование «другого». Проекция тени представляет собой очень опасный бессознательный момент, который обязательно должен быть проанализирован. Но и в то же время это очень важный момент. Если это происходит, если мы останавливаемся и стараемся понять, если не кидаемся сразу же разрушать Другого-тень, то это потому что боимся той части нас самих, которую он символически представляет. Встреча – это также и первая ступень к познанию самих себя, и выход из опасной иллюзии об «отличных ребятах». Убеждение, что у нас нет врагов, – это вовсе не следующий этап после проекции тени. Во многих аспектах это, напротив, предшествующее состояние, еще более бессознательное: состояние, в котором *Я* – или *Мы* – не конституируется как отличное и отдельное от *Ты*.

Юнг посвящает несколько страниц «*Воспоминаний, сновидений, размышлений*» своей встрече с Северной Африкой. Он сообщает, что во время путешествия по Тунису он увидел длинный сон, в котором он столкнулся со знатным арабом. Во сне ему удалось одолеть своего противника после долгой борьбы, но он не стал его убивать. В конце концов Юнг заставил араба прочесть для себя текст на каком-то восточном языке, который самостоятельно он не мог разобрать, но который касался именно его (это была, говорит Юнг, «моя книга», «будто это я ее написал»)⁶.

Встреча Юнга-европейца с арабом – это встреча с Другим. Отраженная во сне, она становится столкновением с тенью. А столкновение с тенью оказывается встречей с одной из основ-

ных частей самого себя, только внешне враждебной: и это столкновение становится знакомством. Юнг во сне борется с врагом-арабом, как Иаков борется с ангелом в библейском эпизоде (*Быт. 32: 24–32*).

Борьба происходит в темноте – у Юнга во сне, у Иакова ночью, – то есть в бессознательном. Задача не в том, чтобы позволить противнику себя разгромить, и не в том, чтобы разгромить его, пока продолжается ночь. Когда свет вернется, то есть когда определится индивидуальный смысл этой борьбы, противостояние исчезнет и враг обратится в божественного помощника, ангела Господня. Если мы верующие, давайте будем молиться не о прекращении борьбы с нашим внутренним неврозом и не о прекращении конфликтов с внешними врагами. Давайте будем молиться, чтобы они продолжались, но были ступенями лестницы знания.

1.2. Деструктивность: след личности в истории⁷

Прошлое

Фигура героя – один из наиболее устойчивых образцов в изменчивой западной истории. Несмотря на прошедшие тысячелетия, греческие герои для нас всегда остаются величайшим идеалом; и среди них Одиссей – наиболее сложный, наиболее полный, наиболее современный.

Но мы, жители Запада, утратили понимание наших агрессивных традиций, мы верим, что изгнали ненависть, насилие и войну из наших ценностей, и мы не знаем больше, что делаем, когда советуем нашим детям изучать «*Одиссею*».

В XIX книге старая кормилица Эвриклея моет ноги нищему, гостю дворца Одиссея и Пенелопы; и читатель знает, что речь идет о переодетом Одиссее. Когда Эвриклея должна вот-вот узнать героя по старому шраму, Гомер прерывает действие, чтобы рассказать о происхождении этой раны. Но как ему и свойственно, он рассказывает намного более сложную историю. Так мы узнаем, что Одиссей унаследовал темперамент деда по матери, Автолика, «преуспевающего в обманах и ложных клятвах» (XIX, 395–396). Но не только это получил он от деда. Автолик, используя игру слов, дал также имя новорожденному внуку: «Он пришел сюда – сказал он – *odyssámenos* (что означает: полный ненависти, ярости): пусть носит имя Одиссей» (XIX, 407–409). От того же корня *od-*, согласно авторитетным этимологам, происходит латинское *odium* и все современные выражения, означающие ненависть.

Имя «Одиссей» означает «тот, кто ненавидит». Но и без обращения к лингвистам, для которых слова сохраняют следы первоначального смысла, о котором мышление не помнит, дети в наших школах очень хорошо знают эту ненависть. Если они прочли «*Одиссею*», они знают, что ее герой полон ненависти. Немногим позднее лук Одиссея уничтожит женихов одного за другим, несмотря на предлагаемый ими крупный выкуп и возмещение убытков. После окончания бойни еще более худшая участь ждет служанок и козопаса Мелантия, которые им прислуживали (XXII).

Вот образец классического героизма, который мы все еще предлагаем нашим детям. Но, противореча сами себе, мы отвергаем агрессивные качества героя Одиссея. Они слишком далеки от ценностей, которыми мы пытаемся руководствоваться. Задумаемся, кто сегодня назвал бы собственного сына именем «тот, кто ненавидит»?

Если эпические прототипы приходят к нам от Гомера, первые моральные образцы мы находим в Ветхом Завете, и их язык несильно отличается. Во второй главе *Второзакония* содержатся правила войны. При завоевании отдаленного города «порази в нем весь мужеский пол острием меча», советует нам *Второзаконие* (*Втор.* 20: 13); однако если ты завоеешь ближайший город, из тех, которые тебе назначил Господь, «не оставляй в живых ни одной души» (*Втор.* 20:16).

Народ Иисуса Навина демонстрирует подобное рвение при взятии Иерихона: «и мужей и жен, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов, все *истребили* мечом» (*Нав.* 6: 20).

Еще более агрессивны, как отмечается, германские религия и мифология, формирующие в Центральной и Южной Европе субстрат, на который привиты греко-римская и христианская культура. Достаточно напомнить о Вотане, главном божестве, который является богом войны. Его имя, так же как и Одиссея, происходит от слова *Wut* – ярость.

Если же мы двинемся в глубь веков, от исторического человека к доисторическому, то палеонтология и этология покажут нам, что человеческий вид составляет исключение среди живых существ, потому что убивает представителей своего вида⁸, то есть себе подобных с

точки зрения зоологии и ближнего своего с христианской точки зрения. В материальных свидетельствах культуры неолита, мезолита и палеолита продолжают находить черепа, расколотые каменными топорами. У предметов, найденных при раскопках, мы спрашиваем, как далеко назад нужно продвинуться, чтобы найти потерянный рай Руссо, и не получаем ответа. Что мифы, что скальная роспись, которая древнее любого мифа, показывают нам людей, которые убивают других людей.

Метаморфоза

В античные времена весь человек обладал достоинством, а не только его добрая часть, Эта тотальность включала демонические комплексы, которыми человек, и в частности обремененный властью (мужчина больше, чем женщина), все еще отчасти обладает.

Этот тотальный человек, от которого неотделимы деструктивные страсти, получил свой эстетический статус в том, что наши современники назвали трагическим миром и что Гельдерлин, Ницше и Буркхардт признавали высшей точкой любой цивилизации.

Он – тотальный субъект, потому что признает полностью (смиренно, как сказали бы мы, если бы это слово не звучало по-христиански) свою двуликую натуру, креативную и деструктивную одновременно. «Я знаю, что я сделаю, но сильней моей воли страсть, причина величайших бед для людей» («*Медея*», 1078–1080).

Глубина размышлений трагической мысли о зле расчистила землю для посева и быстрого расцвета христианства в последующие века. Трагическая маска, которую надевало на себя уже описанное демоническое зло, была потом сдана в археологический музей. Христианство нашло смысл жизни в превосходстве добра над злом, а не в том, чтобы включать зло в единое целое, и возвело в истину устойчивые категории добра и зла, ясные и четко различимые, отвергнув судьбу, которая ввергала человека в амбивалентность. Это бескомпромиссное различение не было полностью христианским новшеством: оно было свойственно уже иудаизму, у которого его унаследовало христианство и которое обсуждалось в философии, а именно Платоном. Но оно оставалось истиной для избранных или для интеллектуалов, и только с приходом христианства становится истиной для всех слоев населения и для всего западного мира.

Итак, трагический человек, который знает и принимает свою деструктивность, уступает место идеалу – человеку добра. Целостный человек – человеку ясных категорий. Судьба – свободной воле.

Здесь нам не следует уповать на то, что этот процесс является эволюцией морали. Обратимся к другой проблеме.

Нас действительно интересует другая сторона. В театре, когда зрители концентрируют все больше внимание на сцене, менее видимой становится противоположная стена. Так и человек, порожденный христианской революцией, а затем революцией просветительской, а затем и научной (в отличие от трагического человека, который был совокупностью полутонов), все более точно и однозначно решает, что есть добро, и старается по возможности соответствовать этому.

Первая опасность – это потеря эстетическая. Подумаем о сложности архаической поэмы, такой, как «*Илиада*». Троянцы ничем не отличаются от греков: как те, так и другие – сложные человеческие существа, у которых перемешаны добро и зло; более того, любимый герой Гомера – Гектор.

Первый греческий историк, Геродот, имел прозвище *philobarbaros*⁹, потому что он ставил своих соотечественников и варваров на одну доску. В свою очередь, Эсхил, описывая в одной драме (которая так и называлась «*Персы*») греко-персидские войны, считал более важным вывести на сцену боль потерпевших поражение варваров, а не триумф греков. По сравнению с поэмами Гомера или с трагедиями Эсхила, шедевр христианской эпикки «*Песнь о Роланде*»

кажется удивительно бедным: там сарацины – грубые уродцы, но и христианские паладины, представляющие свет без тени, выглядят плоскими и предсказуемыми.

Более серьезная опасность, однако, – это потеря психологическая, избыточное упрощение, вызванное устранением зла. Постепенно агрессивные, мрачные, хтонические формы божественного были изгнаны из истории и ограничены фольклором. Демонический и деструктивный элемент, который ни одной культуре не удалось уничтожить как потенциал психического (который раньше или позже претворяется в реальное событие; и доказательством тому служит воистину трагическое воплощение марксистской утопии), находится по другую сторону от сцены, во тьме. С ним все труднее познакомиться, он все легче отвергается как видимый символ.

Как учит глубинная психология в целом, мы осуществляем цензуру тех наших качеств, которых больше всего боимся. Однако наиболее деструктивные инстинкты можно отвергнуть, но не уничтожить: мы начинаем замечать их в других как опасные качества. Недоверие, антипатия и необъяснимая ненависть – вот последние кольца деструктивной цепи, состоящей из устранения, отрицания, раскола, проекции этих качеств на противников. Безостановочный прогресс Запада все больше учил думать в ясных и позитивных категориях. Тем самым он вытеснил на обочину категории темные и негативные, и затуманил объемное видение в полутонах, которое давало возможность смотреть также и глазами Другого.

Греки убивали врага, но вряд ли последовательно ненавидели, потому что демонический комплекс не был оторван от субъекта и был полностью спроецирован на врага. И только в результате массового распространения ясных категорий добра и зла создаются психологические условия для крестовых походов, инквизиции, геноцида индейцев, мировых войн, истребления евреев, а также «железного занавеса».

Обычный человек переживает зло через посредника, вместо того чтобы узнать и преодолеть его. Преодоление мы оставляем святым: тем, кто не устраняет деструктивность, а познает ее в себе самом как темную сторону, порождаемую светом святости и закона; или, с другой точки зрения, как внутреннюю сторону трагической маски. Павел различает ее вполне ясно, когда говорит: «Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю» (*Рим. 7: 15*); «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (*Рим. 7: 19*).

Настоящее

Моральная эволюция Запада сопровождается с точки зрения видимых ценностей исчезновением демонических символов.

В истории психического это напоминает постепенную дезинфекцию верхнего этажа, которая приводит к скоплению бактерий в темном подвале личности: и там микробы размножаются, даже если ты их не видишь. Наряду со строго историческими, политическими и социальными факторами именно эта психическая инфекция ответственна за всеобщую деструктивность Первой мировой войны. После нее Европа была брошена на рабочий стол палача-портного, который, чтобы придать ей современный облик, раскромсал ее на куски националистическими ножницами и наспех сшил. Из этой «революции границ» произошла нескончаемая серия других войн. Поскольку еще сегодня мы пожинаем их последствия, а национализм становится все разрушительнее, мы можем подозревать, что и палач не был свободен от демонического импульса, который породил саму войну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.